

10 класс

Готовимся к итоговому сочинению. Продолжаем разрабатывать 5 предложенных направлений.

Задание: подобрать произведения, на основе которых вы будете раскрывать конкретные темы; предложить аспекты, которые включает в себя направление «Отцы и дети». Написать сочинение по произведению – комедии Грибоедова «Горе от ума». Тема: «Социально-политическое противопоставление поколений «отцов» и «детей» в комедии Грибоедова «Горе от ума».

Напишите Вступление и на первом этапе сосредоточьтесь на «веке минувшем» (кто к нему относится, каково мировоззрение этих героев, их понятия о службе, долге, крепостном праве, просвещении, покажите, что «век минувший» представляет собой целый уклад социально-нравственный и бытовой и проч. по вашему усмотрению).

Литература:

- 1) Материалы к сочинению
- 2) Статья Гончарова И. А. «Мильон терзаний».

Работы представить 9.04.20 по электронному адресу smirnovaverav@yandex.ru

Особенности конфликта и образной системы в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Материалы для подготовки к сочинению

Введение

Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» принадлежит к числу самых уникальных произведений русской литературы. Необычно уже само её появление среди читающей публики. Ещё до появления в печати в 1825 году (альманах «Русская Талия») отдельных искаженных цензурой её фрагментов, текст пьесы уже получил широкое распространение в многочисленных списках, публично читался и в литературных кружках, и в обычных гостиных. Постоянный интерес к «Горю от ума» поддерживался сценическими постановками пьесы и публикациями её полного текста, многочисленными как в XIX, так и XX веках.

Современники Грибоедова – литературные критики, писатели, общественные деятели – проявили живой интерес к комедии и ещё до её публикации высказали свои мнения оценки в обширных статьях, в письмах, в дневниках, в устных беседах. И в дальнейшем фактически все известные литературные критики XIX века ощущали необходимость обратиться к анализу грибоедовской пьесы, поднявшей глубокие пласты русской общественной действительности и богатой вечными общечеловеческими проблемами. И комедия «Горе от ума» продолжала жить, обнаруживая всё новые стороны своего содержания, раскрывая всё новые черты художественного своеобразия.

Мы отметим лишь необходимые нам с точки зрения нашей проблемы и помогшие нам в её разрешении оценки «Горе от ума» литературной критикой XIX века. Это, безусловно, письмо А. С. Пушкина А. А. Бестужеву от 30 января 1825 года, где поэт обозначает целый комплекс проблем, которые в литературе о Грибоедове будут обсуждаться вплоть до наших дней. Он скажет о достоинстве комедии как «резкой критике нравов»; задаст вопрос о степени близости Грибоедова и Чацкого и усомнится в уме последнего; обратит внимание на «загадку» Репетилова¹.

Дневниковая запись В. К. Кюхельбекера от 8 февраля 1833 года раскрывает в самой системе образов комедии («в противоположности Чацкого прочим лицам») источник конфликта и действия всей пьесы². Н. В. Гоголь в статье «В чем же, наконец, существо в русской поэзии и в чем её особенность» доказывает, что Чацкий неизбежно должен был высказать в лицо Фамусову и другим «уродам общества» своё негодование³.

Аполлон Григорьев в своих статьях 1860-х годов («По поводу нового издания старой вещи»; «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина») впервые прямо сближает Чацкого с декабристами, говорит о его энтузиазме

1 Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. XIII. М.- Л.: АН СССР, 1947. С. 138.

2 Кюхельбекер В. К. Дневник. Л.: Прибой, 1929. С. 92.

3 Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо в русской поэзии и в чем её особенность // А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 30.

борьбы, о героической его натуре и максималистской готовности к гибели в столкновении с общественными пороками⁴.

Мнение А. И. Герцена, схожее с социально-этическим пафосом Ап. Григорьева, интересно тем, что автор выстраивает историко-типологический ряд «героев времени», усматривая в Чацком черты Онегина и Печорина, «лишнего человека»⁵.

И, наконец, литературно-критический шедевр И. А. Гончарова – статья «Мильон терзаний», основные положения которой питают и концепции наших современных исследователей Грибоедова; статья, где представлен целостный глубокий анализ пьесы: её конфликта, основных образов, действия, складывающегося из взаимоотношений героев. И. А. Гончаров также показал, что конфликт Чацкого с фамусовским обществом имеет вечный характер и вновь проявляется в каждую переходную от старого уклада к новому эпоху⁶.

Глава I. Своеобразие основного конфликта в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». «Век нынешний» и «век минувший»

1.1. Закон «трех единств» на службе реалистического замысла

Столкновение «века нынешнего» с «веком минувшим»... Так традиционно в литературе о комедии «Горе от ума» определяется конкретно-историческое содержание основного конфликта пьесы.

Итак, Россия накануне декабрьского восстания 1825 года... Две враждебных силы отчетливо противостоят друг другу в русском обществе. С одной стороны, – реакционные дворяне, защитники самодержавно-

4 Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1965. С. 495.

5 Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII. М.: Наука, 1959. С. 179-181.

6 Гончаров И. А. Мильон терзаний // А. И. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 103-125.

крепостнических порядков. За ними – вековечные устои, закреплённые в государственных законах, моральных правилах, бытовых нормах жизни и поведения. За ними – «светская чернь» и медвежьи углы с дикими байбаками-помещиками; многочисленные департаменты и канцелярии с жадно насыщающимися за счет общественного блага чиновниками всех сортов и рангов. За ними – аракчеевщина с её муштрой и военными поселениями. И всему этому в полном смысле слова, укладу противостоят немногие честные, мыслящие, гуманные, просвещённые граждане своего отечества. «Сто человек прапорщиков хотят изменить государственный быт России»⁷, - в этих словах Грибоедова – горький итог его напряжённых размышлений над реальными перспективами восстания, которое готовят его друзья-декабристы. И поэтому комедия его названа не «Торжество ума», а «Горе уму».

В ней писатель реалистически точно изобразил конфликт двух лагерей, двух общественных сил в России накануне восстания декабристов. Лагерь молодой России представлен Чацким, лагерь защитников косной старины – Фамусовым, Скалозубом, Хлёстовой и другими.

Этот общественный конфликт обуславливает всю художественную систему «Горя от ума». В него органически вплетается и любовная драма Чацкого. Задумаемся, что было бы, если бы Молчалин принадлежал к числу единомышленников главного героя и Софья была бы поставлена перед выбором из двух равных по своим достоинствам соперников? Безусловно, сюжет, интрига и действие комедии, в том виде, в каком они есть, не состоялись бы. Перед нами было бы другое произведение, может быть, напоминающее роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Как справедливо указывает М. В. Нечкина, «в “Горе от ума” столкновение двух лагерей как бы кольцом отхватывает любовную драму и несёт её в себе, соединяя своё движение с её развитием и придавая ей особую остроту»⁸. Герой

⁷ Цитируется по книге: Лебедев А. Грибоедов: факты и гипотезы. М.: Искусство, 1980. С. 53.

⁸ Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. – М.: Худож. лит., 1977. С. 286.

принадлежит тому социальному миру, который противостоит лагерю его соперника. Софья склоняется к миру Фамусовых. Подспудные сомнения Чацкого в чувствах Софьи, как подчеркивает И. А. Гончаров, являются естественными психологическими мотивировками усиливающегося раздражительного неприятия Чацким жизненных норм фамусовского общества в его обличительных монологах. Герой ощущает смутную, томящую его тревогу: любимая девушка, казалось бы, без вины с его стороны, ускользает от него, «околдованная» теми пустыми и низкими людьми, над которыми раньше вместе с ним (Чацким) смеялась. Таким образом, конфликт между противоборствующими общественными группами настолько обострился, что у Грибоедова он проникает даже в сферу личных, интимных чувств. Ведь Фамусов заботился о Чацком, сыне своего друга, с детства; в доме Фамусовых воспитался герой вместе с Софьей и юная застенчивая любовь связала их. Вспомним, Чацкий в первой беседе с Софьей, как бы слегка ещё подтрунивая над старой Москвой, обращается к ней как к единомышленнице, которая прежде, по-видимому, не только одобряла его злословие, но и сама в нём участвовала. Именно к Софье он обращается на балу, поверяя ей своё душевное смятение. А Софья уже распустила «выдумку» о его сумасшествии.

Так, близкие люди волей истории оказались по разные стороны баррикад.

Грибоедов показывает как дифференциация двух общественных лагерей дошла до быта, до повседневности. Её не надо выискивать на тайных сходках политических обществ. Нет, она налицо повсюду, так глубоко захватила она дворянское общество. Тончайшей художественной чертой «Горя от ума» является именно то обстоятельство, что общество делится на два лагеря, собственно говоря, в первой попавшейся и самой обыкновенной дворянской гостиной. Никаких особых сборищ нет в доме Фамусова – это рядовой дворянский дом. Чацкий приезжает не сражаться со староверами, а

на свидание с любимой девушкой. И, приехав совсем для другого, он немедленно выявляет собою деление общества на два лагеря.

Конфликтное противостояние двух сил настолько обострено в реальной действительности, что и в комедии Грибоедова оно разворачивается катастрофически быстро – в одни сутки.

Таким образом, А. С. Грибоедов на службу своему реалистическому замыслу поставил знаменитые классицистические «три единства» – единство действия, места и времени. В «Горе от ума» они стали неотъемлемой характеристикой особой остроты и непримиримости конфликта.

Своеобразие конфликта в «Горе от ума» заключается и в его повышенной идеологической насыщенности. Все ведущие герои комедии – идеологи, то есть каждый из них отстаивает какую-то определённую целостную мировоззренческую систему. То есть разногласия Чацкого с Фамусовым и другими представителями «века минувшего» охватывает все сферы жизни: противоположны их отношения к долгу, чести и службе, к крепостному праву, к национальной самобытности русского общества и подражанию иностранным образцам; расходятся они и в критериях оценки достоинств человека, и в характере чувствований.

В следующем параграфе мы подробно остановимся на двух первых пунктах идеологического конфликта «века нынешнего» с «веком минувшим».

1.2. «Служить» или «прислуживаться»? Представления о службе и чести в содержании конфликта «Горя от ума»

В «Горе от ума» вопросы службы, долга, чести являются первостепенными в содержательном наполнении конфликта, отражающего столкновение двух мировоззренческих систем – «века нынешнего» и «века минувшего». Именно от решения этих вопросов зависит понимание

человеком смысла своей жизни, своего места в мире, своей жизненной задачи и своей деятельности.

Не случайно конфликтное противостояние Чацкого и фамусовского мира отчетливо и остро начинается с разногласия по этому кругу вопросов.

В начале второго действия Фамусов в ответ на сватовство Чацкого к Софье ставит три условия:

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи (34)⁹.

На что Чацкий язвительно и горько отвечает: «Служить бы рад, прислуживаться тошно», – отвергая тем самым фамусовское представление о службе, несовместимое с его собственным представлением о передовой общественной деятельности на благо отечества, о чести и гражданском долге.

Очень важно, и нужно это особо отметить для нашего дальнейшего рассуждения, что в афористической реплике Чацкого сталкиваются два однокоренных слова, которые обозначают два противоположных способа, характера общественной деятельности: «служить» и «прислуживать».

Интересно, что на всём протяжении комедии Чацкий единственно возможную для него деятельность, в которой осуществляется долг человека и воплощено подлинное понятие чести, так и будет неизменно обозначать словом «служба». А Фамусов постоянно будет «играть» обоими словами, обнаруживая тем самым порочную взаимозаменяемость в своём мире понятий «службы» и «прислужничества».

Сравним: Чацкий – «Кто *служит* делу, а не лицам» (37); Фамусов – «Тогда не то, что ныне, при государыне служил Екатерине» <...> «Когда же надо *подслужиться*, и он сгибался вперегиб» (35).

Именно с этого напряженного диалога, где Фамусов предъявляет свои требования Чацкому, а тот отказывается их исполнять, и начинается

⁹ Грибоедов А. С. Горе от ума: Комедия в четырёх действиях в стихах. М.: Наука, 1988. [Серия «Литературные памятники»]. В дальнейшем «Горе от ума» цитируется по этому изданию с указанием в тексте в скобках арабскими цифрами страницы.

собственно идейная, социальная борьба двух лагерей в комедии. Ведь потом следуют два крупных идеологически насыщенных монолога главных противников – Фамусова, приводящего в пример молодому поколению своего дядю, екатерининского вельможу Максима Петровича, и Чацкого, опровергающего общественную и нравственную значимость этого примера и выдвигающего свой:

Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдётся: враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным (49)

Исследователи XX века – М. В. Нечкина и Ю. М. Лотман на достоверной и разнообразной основе исторических документов показали, что новое, высокое, понятие чести и службы развилось у декабристов и близкой им передовой молодёжи вследствие их участия в общем патриотическом движении в эпоху Отечественной войны 1812 года. «Мысль о жизненном назначении, о своей высокой и ответственной роли в жизни встала перед молодым поколением «особенно ясно и остро»¹⁰. Никита Муравьёв писал, что в 1812 году «не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к Отечеству». «Все порядочные и образованные молодые люди [дворяне], презирая гражданскую службу, шли в одну военную; молодые тайные и действительные статские советники с радостью переходили в армию подполковниками и майорами», - пишет М. А. Фонвизин¹¹.

1812 год был массовой школой деятельного патриотизма, а значит, – и чести. Защита родины понималась как жизненная миссия, как призвание. Служение родине и вошло как основное содержание в новое понимание чести. Оно заполнило его, стало его критерием. Само молодое поколение

¹⁰ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 300.

¹¹ Фонвизин М. А. Обзорение политической жизни России // Общественные движения в России в первую половину XIX в. Т. I. – СПб., 1905. С. 182.

ясно осознавало это. «В продолжение двухлетней тревожной боевой жизни, среди беспрестанных опасностей, они [молодые офицеры], – пишет декабрист М. А. Фонвизин, – привыкли к сильным ощущениям, которые для смелых делаются почти потребностью. В таком настроении духа, с чувством своего достоинства и возвышенной любви к Отечеству, большая часть офицеров гвардии и генерального штаба возвратилась в 1815 году в Петербург»¹². Возвышенная любовь к Отечеству требовала и особого – возвышенного – служения ему. Служба стала служением Отечеству, участием в истории Европы, освещённом светом великих целей: освободить родину, победить Наполеона – поработителя народов, вернуть народам свободу. Заполняясь великою целью общего дела, она стала делом чести: передовая молодёжь не просто служила – она служила великому делу. Она чувствовала себя активной силой, спасшей родину и Европу. «При такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос», - пишет в своих «Записках» И. Д. Якушин.

Пребывание за границей обострило тревогу за положение любимой родины, остающейся под игом самовластия; тирания Наполеона неизбежно соотносилась с деспотизмом русских самодержцев, дошедшим до мертвящего всякие проявления человеческой личности аракчеевского режима. Молодые военные, ещё покрытые дымом исполинских битв 1812-1814 годов, осознавшие, что от господствующего в России уклада они ушли на сто лет вперёд, оказались в парадоксальной ситуации: победив европейского тирана, они оказались перед необходимостью служить своему, отечественному.

В такой ситуации уже не было места высокому пониманию чести и службы, озарившему всё поколение.

«Железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду. Служба стала тяжела и оскорбительна. Грубый тон новых

¹² Там же. С. 193.

начальников и унижительное лакейство молодым офицерам было отвратительно. Требовалось не службы благородной, а **холопской подчинённости**. Я вышел в отставку», - вспоминает Владимир Раевский¹³. «Служба заменилась **прислугою**, общая польза забыта, своекорыстие грызёт сердце, и любовь к отечеству уже для иных стала смешным чувством», - как бы вторит этому декабрист П. Г. Каховский¹⁴. Николай Бестужев передаёт слова К. Ф. Рылеева на ту же тему: «Я **служил** Отечеству, пока оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать её, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластного деспота»¹⁵.

Эти напряжённые размышления декабристов дословно совпадают с приведёнными нами выше формулами Чацкого о службе и чести: «**Служить** бы рад, **прислуживаться** тошно» (35); «...**служит** делу, а не лицам» (37).

Руководствуясь этими высокими понятиями о службе, долге и чести, многие декабристы и близкие им по духу люди в послевоенные годы (1815-1820) покидают военную службу. Но они не хотят бездействовать. М. В. Нечкина и Ю. М. Лотман выявляют особую идейную насыщенность этой массовой отставки молодых офицеров: они руководствовались намерением продолжать приносить пользу Отечеству на гражданской службе раз в армии это уже стало невозможным. «Люди глубоко продумывали возможность служить Отечеству – в суде, в школе, в науке. Это тоже могло завоевать славу, пусть не громкую, военную, боевую, а «тихую», но славу. Декабристы Пущин и Кашкин – надворные судьи, Рылеев – в той же сфере деятельности – прославленный защитник угнетённых. Пущин служил безденежно, «сверхштатным членом без жалованья», это была чисто идейная работа. Он говорил, что в штатской службе «всякой честный человек может быть решительно полезен другим»¹⁶. Кюхельбекер ко времени окончания Лицея

¹³ Декабристы и их время: Сб. ст. и материалов: В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1928. С. 128.

¹⁴ Там же. С. 315.

¹⁵ Воспоминания Бестужевых. М.:Л.: Наука, 1931. С. 10.

¹⁶ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начала XIX века). СПб.: Искусство, 1994. С. 247.

мечтал о месте школьного учителя в провинции или был готов стать библиотекарем в Петербургской публичной библиотеке. Сам Грибоедов тоже желал перевестись в Тифлис судьёю или учителем и даже просил об этом Ермолова. Позже страх остаться на этой работе в Грузии и, следовательно, не вернуться в Россию удержал его.

Но в разные моменты своих биографий – то позже, то раньше – бывшие военные, возлагавшие надежды на «**тихую славу**», понимали свою ошибку. И эта слава оказывалась обманом. Высоким целям ставилась тысяча препятствий самим строем; гражданская служба повсеместно отзывалась бессмысленной бумажной вознёй, беспочвенным прожектерством и тоже активно препятствовала совершению настоящего общественно значимого дела. Государственный деспотизм активно сражался с друзьями человечества и на поприще надворного суда, и в классном помещении ланкастерской школы. Пушкин отразил движение мысли целого поколения в стихах, которые твердила вся молодая Россия:

Любви, надежды, **тихой славы**

Недолго нежил нас обман.

Исчезли юные забавы,

Как сон, как утренний туман...

Эти биографические этапы (послевоенная отставка из армии, гражданская служба) были принадлежностью не отдельных частных лиц; они были сознательно пройдены большинством передовой дворянской молодёжи преддекабрьского периода; имели отчетливую протестующую против старого «государственного быта» России окраску; формировали передовое мировоззрение и жизненную позицию, то есть – новый личностный тип «героя времени».

Внимательно взглядываясь в текст комедии, можно воссоздать биографию Чацкого, предшествующую его сюжетному появлению в Москве. И в этой биографии выделяются всё те же этапы, типобразующие, несущие на себе отчетливый идейно-политический акцент, характерные для

личностного становления представителей «века нынешнего». Несколько лет тому назад Чацкий был военным. Он говорит о мундире: «Я сам к нему давно ль от нежности отрёкся?» Ему и сейчас не чуждо высокое ощущение военного бытия, горячее, приподнятое воспоминание о лагерной жизни, «товарищах и братьях». Он говорит Платону Михайловичу Горичу:

Ну, Бог тебя суди;
Уж точно стал не тот в короткое ты время!
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? Лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце,
Осенний ветер дуй хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович (вздыхает)

Эх! братец! славное тогда житьё-то было (80).

Не может быть более точного указания на совместную службу в полку – и именно в гусарском. Как же иначе можно «знать» товарища «в полку», вспоминать утренний подъём, очевидно, многократные утренние упражнения в верховой езде (кстати, входящие в режим кавалерийского лагеря)? «забыт шум лагерный, товарищи и братья» (78) – так тепло и проникновенно может говорить только один из самых «товарищей и братьев», сам знающий, что такое «лагерный шум». Трёхлетнее отсутствие Чацкого, его странствия исследовательница правомерно трактует как участие героя в военной кампании 1812 года, а потом и в заграничных походах русской армии.

Но недавно («давно ль!») Чацкий «отрёкся от нежности» к военному мундиру, а значит, - вышел в отставку как и другие его молодые современники, передовые дворяне не желая оставаться в послевоенной армии, где подлинная «служба заменялась прислугою». И тоже, как и они, грибоедовский герой попытался найти применение своим незаурядным способностям, обрести своё общественно значимое «дело» на гражданском

поприще. Об этом свидетельствует указание Молчалина на весть, распространившуюся в Петербургских кругах и докатившуюся до Москвы, про «связь» Чацкого с «министрами» - «потом разрыв». Таким образом, можно сделать вывод, что Чацкий изведal и обман «тихой славы». Следовательно, формула Чацкого «служить бы рад, прислуживаться тошно» является результатом сложного в своём составе служебного опыта: и военного, и гражданского. Это не отговорка ленивого барчука, лишённого способности и желания принести благо Отечеству, не желчный выверт обманутого в своих притязаниях честолюбивого карьериста, а горький итог подлинного гражданина, носителя высоких представлений о **чести и долге**, который понимает, что вся жизненная система деспотического государства препятствует искомой им «службе делу, а не лицам». Не случайно главный представитель этой системы в «Горе от ума», Фамусов, ядовито, с напускным сожалением, «рекомендует» Чацкого Скалозубу:

Не служит, то есть в том он пользы не находит (47).

В этом для Фамусова заключается что-то **тревожное, враждебное** всему строю понятий, на котором держится его мир – «век минувший».

Каковы же эти понятия, противопоставление которых системе ценностей Чацкого, воплощающего «век нынешний», и являются содержательной основой конфликта комедии. Выше мы выяснили, что для Чацкого служба – это отношение гражданина к родине, высокое служение Отечеству. Для Фамусова служба – карьера, путь к устройству личных выгод, к достижению богатства, почестей, влияния. Служба, по Фамусову, – нечто безусловно необходимое для молодого человека («а главное – поди-тка, послужи!»). И сам Фамусов служит, дел у него, по-видимому, немало; он говорит Софье, что у него целый день «нет отдыха» и что он мечется «как словно угорелый: по должности, по службе хлопотня, тот пристаёт, другой, всем дело до меня» (12). Однако его отношение к делам более чем формальное – его тревожит только, «чтоб множество не накоплялось их». «А у меня, что дело, что не дело,

обычай мой такой: подписано, так с плеч долой» (17). Для вникания же в существо дела Фамусов считает нужным держать Молчалина.

Фамусову не доверено на малейшего идейного обоснования служебной деятельности. Он не нуждается в этом. Служба для него начисто лишена какой бы то ни было «идейности», лишена элементов государственного или общественного служения родине, лишена понятия отечества и чести в возвышенном его понимании. Не случайно возведённый им перед Чацким в образец екатерининский вельможа Максим Петрович не «служил», а «подслуживался» к императрице, нарочно «оступаясь», падал кувырком, «отважно жертвуя затылком» на куртаге, то есть с готовностью принимал, даже жаждал унижительного для человеческого достоинства смеха вышестоящих над своим шутовством. *Интересная аналогия. В письме матери Грибоедова к сыну, её поучения и напутствия: «прямой и честностью не выслужишься, а лучше делай, как твой родственник такой-то, который подлец, как ты знаешь, и всё вперёд идёт; а как же иначе? ведь сам Бог, кому мы молитвами докучаем, любит, чтоб перед ним мы беспрестанно кувыр да кувырк»¹⁷.*

Если в этом письме низкопоклонство на службе, пусть парадоксально, но обосновано; так-де и к Богу относиться надо – то у Фамусова нет и этого. С какой целью надо непременно служить? Для чинов, личных почестей, богатства, жизненных удобств, выгод: «Память по себе намерен кто оставить житьём похвальным, вот пример: покойник был почтенный камергер, с ключом, и сыну ключ умел доставить; богат и на богатой был женат...»(32). Последнее обстоятельство должно, по контексту, стоять в связи с первым: положение при дворе – источник богатства. Максим Петрович, который «не то на серебре – на золоте едал», «был весь в орденах» и «век при

¹⁷ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 316.

дворе» (35). То есть опять-таки – служба «лицу», а не «делу». И, под личиною усердия к царю, «бесчестное» шутовство и прислужничество – для достижения личных выгод: почёта, богатства, карьеры: «в чины выводит кто? и пенсии даёт? Максим Петрович. Да!»

Здесь мы можем наблюдать мастерство Грибоедова в воссоздании *целого уклада жизни, «государственного быта» «века минувшего»,* который в центральных понятиях о службе, *чести и долге* опирается на *прошлые традиции, видит их сохранность в настоящем и залогом своей прочности считает обязательность их продолжения в будущем.* Для Фамусова Максим Петрович – славное блестящее прошлое («Тогда не то, что ныне, при государыне служил Екатерине. А в те поры все важны! в сорок пуд... Раскланяйся, тупеем не кивнут <...> А дядя! что твой князь? что граф? Сурьёзный взгляд, надменный нрав». 35). Только что умерший «московский туз» Кузьма Петрович (*кстати, интересна одинаковость отчества дяди Фамусова и этого туза*), на чьё погребенье Фамусов собирается: у Грибоедова они как родные братья по духу), то же *прошлое, только что отгремевшее, но оставившее свой неизгладимый след в жизни теперешней. Для Фамусова эта передача традиций и есть самое похвальное:* «с ключом, и сыну ключ умел доставить; богат и на богатой был женат; пережил детей, внучат». Не только Фамусов, но и «все», весь старый мир почитают Кузьму Петровича за это *продолжение в настоящем:* «Скончался; все о нём с прискорбно поминают» (32). *Сам Фамусов ставит себя (хоть и скромно) в один ряд с былыми тузами, он – их прямой потомок: «мы, например, или покойник дядя» (35).*

В комедии показано, как с готовностью воспринимают прежние традиции карьеризма, стремления к личным благам, презренного низкопоклонства *представители молодого поколения.* Вот – Алексей Степанович Молчалин усердно карабкается из «бедных» к «степеням известным», безропотно снося унижительные незаслуженные распекаания Фамусова, играя чувствами Софьи, усердно лакействуя перед Хлестовой.

Характерны его рассуждения **о службе**, которые по своей сути сходны с фамусовскими. В разговоре с Чацким Молчалин заявляет о своих важных достижениях: «С тех пор, как **числюсь** по Архивам, три награжденья получил» (70). Чтоб вскрыть пустоту молчалинского представления о службе, Грибоедов использует здесь чиновничий жаргон, порождённый всё той же бессодержательностью административной суеверности в деспотическом государстве. Высокое, связанное с общественно значимым делом, понятие «**служить**» вытесняется пустым, бумажным, формальным – «**числюсь**». Но и это «**числюсь**» приносит искомый и желанный результат – «**награжденья**».

Ещё отчетливей это порочное опустошение высокого содержания службы мы наблюдаем в совете Молчалина Чацкому:

Ну, право, что бы вам в Москве у нас **служить**?

И **награжденья брать и весело пожить**? (73).

Важно отметить также, что успех по **службе** Молчалин измеряет полученными **чинами**. Он спрашивает у Чацкого: «Вам не дались чины, по службе неуспех?» (71).

Ещё один герой «Горе от ума» выражает **идеологию и мировоззрение старого мира**, хотя и делает это бессознательно, потому что невероятно глуп. **Но от этого высказанные им понятия и представления приобретают вид и значение каких-то общепринятых, массовых основ, которые в обществе даже не подлежат сомнению и о которых не размышляют.** Это – полковник Скалозуб, по меткой характеристике Чацкого,

Хрипун, удушенник, фагот,

Созвездие маневров и мазурки! (62).

Перед нами тупой солдафон из нового «аракчеевского» офицерства. Его понятие о службе, **чести и долге** совпадают с фамусовским, но оно ещё страшнее. Ведь военный всегда должен быть готов в первых рядах встать на защиту отечества, от его честного служения зависит судьба родины. А для Скалозуба служба – это прежде всего личная карьера.

«Мне только бы досталось в генералы», - заявляет он о своей конечной цели. Но для этого он использует «каналы», ничего общего не имеющие с героизмом реальных военных подвигов. Эти «каналы» бесчестны, но они **теперь общеприняты**, поэтому Скалозуб выдает их без тени сомнения: «то старших выключат иных, другие, смотришь, перебиты» (42). Скалозуб профанирует, оскверняет святое для героев 1812 года слово «товарищ». Вспомним, Чацкий с особой теплотой говорит: «товарищи и братья». Для Скалозуба «счастье» «в товарищах» заключается в том, чтоб они своими исключениями из службы или гибелью освобождали ему дорогу к чинам.

Грибоедов сознательно отъединяет Скалозуба от «поэзии великих подвигов» 1812 года. Скалозуб на военной службе с 1809 года («Я с восемьсот девятого служу», - говорит он (44); казалось, как же миновать 1812 год при рассказе о подвигах такого заслуженного вояки? Однако Грибоедов явно выбирает желательную дату его «подвигов», отчего сами «подвиги» становятся сомнительны. «В тринадцатом году мы отличились с братом в тридцатом егерском, а после в сорок пятом», - отвечает Скалозуб на заискивающий вопрос Фамусова о его наградах.

За что же получил Скалозуб боевые награды? Можно проследить работу Грибоедова над одной репликой Скалозуба в разных вариантах рукописей комедии и как автор целенаправленно шёл к дискредитации боевых заслуг этого карьериста. Первоначально было:

За 3-е августа, мы брали батарею.

Ему дан с бантом, мне на шею.

Но брать батарею противника – реальное боевое дело. И Грибоедов изъясил прежний текст, несколько приподнимавший образ. Так появился новый ответ Скалозуба:

За 3-е августа, теперь я не сумею

Сказать вам, именно за что.

Ему дан с бантом, мне на шею.

Но этот текст чересчур резко обнажал внутреннюю тенденцию автора; герой, который даже, собственно, и не знает, за что и как получил орден, мог выглядеть почти неправдоподобно, а, кроме того, самое сообщение об этом собеседнику делало бы Скалозуба открытым дураком. Грибоедов вновь изменяет текст, на этот раз возникли классические строки, дошедшие до нас в окончательной редакции:

За 3-е августа; засели мы в траншею:

Ему дан с бантом, мне на шею (43).

Но «засесть в траншею» – ещё не подвиг. Тем боле ученый-историк доказывает, что автор и дату «третье августа» выбрал сознательно в своей комедии, написанной тогда, когда современники славных событий хорошо помнили их хронологию. Оказывается, 3 августа 1813 года не происходило никаких боевых действий; было перемирие, и Скалозуб с его двоюродным братом, при всём желании, «засесть в траншею» не могли.

1.3. Отношение к крепостному праву в содержательной структуре конфликта «века нынешнего» и «века минувшего»

Другим важным пунктом, демонстрирующим противостояние двух общественных лагерей – «века нынешнего» и «века минувшего», - является отношение представляющих их героев к крепостному праву.

Чацкий говорит о каком-то очень определённом «Несторе негодяев знатных» (48), которого он знал и ненавидел лично, ещё «дитей», когда его возили к нему на поклон; он говорит о каком-то определённом помещике-балетомане, который на крепостной балет «согнал на многих фурах от матерей, отцов отторженных детей», которых затем за долги барина распродали поодиночке. Всё это признаки, воссоздающие единое целое – крепостную Россию. **Это были классические примеры, конденсированное выражение угнетения. «И вместе с тем эти образы влекли за собой и образ самодержавной России в целом, ибо Чацкий говорил о «Несторе негодяев знатных» и о помещике-балетомане в неразрывной связи с**

«отцами отечества», с проблемой деятеля, призванного спасти любимую родину. *Где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?»* (48). Кто же они, эти «отцы», эти деятели? Не те ли старцы, которые черпают суждения из газет «времён Очаковских и покоренья Крыма» (47)? Не грабители ли они, нашедшие защиту от суда в родстве и в друзьях? Не «Нестор ли это негодяев знатных»? Не балетоман ли, распродавший детей поодиночке? Крепостной строй в целом был объектом нападения для Чацкого.

Важность вопроса об отношении Чацкого к крепостному праву, основе основ старого жизненного уклада подчеркнута в комедии тем, что это отношение раскрывается в центральном, наиболее остром, перенасыщенном негодованием монологе героя, в котором он открыто отвергает святая святых фамусовского мира – «образцы» «отечества отцов», обнажая их бездушие, антигуманность, нравственную несостоятельность.

Сама ритмика, интонационный и синтаксический строй этого монолога буквально заставляют нас почувствовать, услышать, как Чацкий задыхается от негодования. Первое «обличение» представляет собой одно сложное предложение, интонация которого передаёт нарастающее эмоциональное напряжение, произносится «на одном дыхании». Двоеточие перед последней частью этого предложения несёт особую функцию: обычно этот знак вводит пояснение или логический вывод. Здесь же оно открывает абсурдный, парадоксальный, противоестественный итог, подчеркнутый финальными тремя восклицательными знаками. Это – почти крик человека, наделённого гуманной душой и проникновенным умом, крик возмущения зверской бесчувственностью крепостника, которая при существующем порядке вещей большинством воспринимается как нечто обычное:

Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;

Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!! (48).

А следующая тирада о помещике-балетомане передаёт прерывающееся от возмущения дыхание героя. Она дробится на отдельные предложения, заканчивающиеся восклицательными знаками; а в финале – вновь двуеточие перед аналогичным, абсурдным, выводом, увенчанным тремя восклицательными знаками:

Или вон тот ещё, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружён умом в Зефирах и Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы по одиночке!!! (48).

Не случайно в своих примерах Грибоедов взял классические, установившиеся образцы крепостного гнёта: обмен людей на собак и разрыв семей, продажа детей отдельно от родителей. Это были вопиющие, классические примеры, вплетенные в речь Чацкого.

Тема крепостных, спасших жизнь и честь господина, а потом проданных им, развита ещё А.Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Старик крепостной продаётся с публичного торга за барские долги: «Во Франкфуртскую баталию он раненного своего господина унёс на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросаясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве он выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером».

Пушкин в 1819 году в своём стихотворении «Деревня» в числе многих проявлений «барства дикого» указывает на вопиющее против самих законов Природы все то же разрушение по помещичьему произволу самых святых семейных уз:

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

Таким образом, мы видим, что Чацкий отрицает крепостничество, беря примеры, которые в передовом общественном сознании его времени уже приобрели особое, почти символическое значение. В этом вновь сказывается художественное мастерство Грибоедова.

Из реплик Фамусова мы узнаём ещё в начале комедии о том, что Чацкий, владелец 300 или 400 «душ» именем своим «управляет оплошно», что для Фамусова является следствием «блажи», «завиральных идей», то есть вольнодумства молодого человека. *И здесь мы снова видим черту, акцентированную самим временем, характерную приметку антикрепостнической позиции передовой молодёжи 1810-1820 годов.* «Управлять оплошно» именем значило в понятиях тогдашнего общества управлять, стараясь облегчить положение крестьян, порой в ущерб своей помещичьей выгоде. Примеры тому были и в реальной жизни и в литературе. Так, в 1818 году, выйдя в отставку, декабрист Якушкин поселился в своём имении Жукове Вяземского уезда Смоленской губернии и стал заниматься делами крестьянского устройства. Об Онегине, современнике Чацкого, А.С. Пушкин скажет, что он, унаследовав имение дяди, решил в нём «порядок новый» учредить – «ярём он барщины старинной оброком лёгким заменил, и раб судьбу благословил». Оброк для помещика оказывался менее выгодным, чем барщина, но намного облегчал положение крестьян. Характерна и реакция старозаветных крепостников, соседей Онегина, на это его

нововведение: «и хором все решили так, что он опаснейший чудак»¹⁸. В точности, как Фамусов и его окружение!

Интересно, что гораздо позже Л. Н. Толстой, в 1860-ые годы работая над «Войной и миром», романом о декабристе подключит эту характерную, тоже «знаковую» деталь передового, гуманного человека к образам Пьера Безухова, в масонстве мечтающего о преобразованиях в пользу крестьян, и князя Андрея Болконского, осуществляющего эти преобразования у себя в Лысых горах практически.

Но можно ли говорить именно о конфликтном идейном противостоянии Чацкого и фамусовского мира в вопросе об отношении их к крепостному праву. Ведь представители «века минувшего», многократно и многогранно высказываясь и проявляя себя в отношении понятий службы, чести и долга, фактически **не высказываются по поводу крепостного права и прямо не выражают его идеологии. Но в этом как раз и заключается тончайшая черта художественного построения конфликта в «Горе от ума».** Грибоедов тем самым показывает, что крепостничество для фамусовского мира является естественной, каждодневной, бытовой нормой жизни, которая даже не нуждается в идейным обоснованиях. *В комедии крепостническая извращённость отношений бар и их человеческой собственности рассеяна в мелких эпизодах, репликах на балу и т. д. и словно составляет саму почву жизни всего деспотического государства. Вот, например, старуха Хлестова рассказывает Софье о том, что для забавы в дорогу с собой взяла «аранку-девку да собачку», и просит их накормить в одном ряду – «от ужина пошли подачку» (87). Далее Хлестова расписывает Софье свою «аранку для услуг» и говорит о ней как о диковинном зверьке, а не как о человеке:*

Курчавая! Горбом лопатки!

Сердитая! Всё кошачьи ухватки!

Да как черна! Да как страшна! (87).

Ни тени естественного сочувствия уродству служанки («горбом лопатки»); да и ни к чему оно по отношению к игрушке, к вещи!

И снова звучит мотив продажи людей:

Представь: их как зверей выводят напоказ...

Я слышала там... город есть турецкий... (87).

И вновь – человека можно купить, даже и не купить, а просто «в карты сплутовать» (88).

Как полновластный хозяин «раздаёт» угрозы и наказания своим людям и Фамусов: «В работу вас, на поселенье вас <...> изволь-ка в избу, марш, за птицами ходить» (131-132).

Глава II. Система образов «Горе от ума» как отражение основного конфликта комедии

II.1. Один из «ста прапорщиков». Образ Чацкого в комедии «Горе от ума»

Чацкий, в полном смысле слова, – передовой герой своего времени, личностный тип, воплощающий целый историко-культурный комплекс декабризма. Характерно, что А. И. Герцен прямо называет его декабристом¹⁹. Действительно, уже первое упоминание его в комедии раскрывает в личности героя именно те качества, которые были присущи передовой русской молодежи 1810-1820 годов. Лиза говорит о нём: «Кто так чувствителен, и весел, и остёр, как Александр Андреич Чацкий!» (19). И Софья вторит ей:

Остёр, умён, красноречив,

В друзьях особенно счастлив.

Вот о себе задумал он высоко... (20).

¹⁹ Герцен А. И. Ещё раз Базаров // Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII. М.: Наука, 1959. С. 179-181.

Как доказывают исследователи, сопоставляя перечисленные черты Чацкого с реальными личностями самого Грибоедова и декабристов, здесь представлен именно тип передового представителя молодой дворянской интеллигенции декабристского склада.

Останавимся на первом качестве Чацкого – уме, и подчеркнем, что ***В грибоедовской комедии ум включает в себя вольномыслие, преданность высоким идеям просвещения и свободы. Таким образом, из отвлеченно-абстрактного человеческого качества он становится той конкретной исторической формой, в какой сами себя воспринимали новые общественные устремления в начале XIX столетия***. Можно вспомнить, как Пушкин, для задуманного романа «Русский Пелам» набрасывая картину русской общественной жизни 1810 годов, упомянул и «общество умных». А о Пестеле он же заметил: «Умный человек во всём смысле этого слова, один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Остроумие, красноречие – тоже характерная черта молодого «героя времени», и эти качества в полной мере проявляются в каждой реплике Чацкого, многие из которых тяготеют к эпиграмме, стали афоризмами.

То, что Чацкий «в друзьях особенно счастлив», открывает то особое, святое, значение, которое люди этого поколения придавали дружбе. Не случайно, декабристы свои тайные общества называли Южным и Северным братствами. На всю жизнь сохранил Пушкин верность «святому братству» лицейских друзей и укрепил его в своём гражданском мужестве, отправив на каторгу друзьям-декабристам пламенные строки:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Даже то, что Чацкий «об себе задумал <...> высоко», находит аналогии в том ощущении своего высшего предназначения к гражданскому подвигу, которое было свойственно декабристам и близким к ним деятелям и

которое отчетливо выразили в своих стихах Пушкин и Рылеев. Пушкин в послании «К Чаадаеву» видел свою высокую миссию превратить самовластие в обломки; Рылеев же в «исповеди Наливайко» благословлял свой жребий погибнуть за край родной, восстав на утеснителей свободы.

И, наконец, «чувствительность» Чацкого, которая во многих исследовательских работах не осмысливается, отступая перед действительно первостепенным качеством героя – его умом.

Между тем сам герой ничуть не реже апеллирует к «душе», чем к разуму. Так, в финале комедии герой горько восклицает, что судьба людей с душой гонительница, бич!» (130).

Ранее, смутно ощущая своё одиночество в доме Фамусова и крушение надежд на любовь Софьи, Чацкий обращается к ней: «Душа здесь у меня каким-то горем сжата» (104). И показательно, что в разговоре с любимой, он замечает о недостаточности в человеке только «ума бойкого», «гения смелого»: «Но есть ли в нём та страсть, то чувство? пылкость та? Чтоб кроме вас ему мир целый казался прах и суета?» (64).

Душа, чувствительность Чацкого в комедии, в соответствии с сочетанием в ней общественного и любовного сюжетов, проявляется и как особая отзывчивость героя к царящим повсюду порокам, неблагоприятное социальное он воспринимает как нечто личное, за что он ответственен и о чем не может молчать; и как пылкость, страстность, доброе и доверчивое его отношение к Софье, высокая романтическая любовь. Пылкость и страстность являлись типичной чертой юных вольнодумцев начала XIX века. «Достоинство Рылеева состоит в силе чувствования, в жаре душевном», – замечает Бестужев.

Указание на чувствительность Чацкого помогает решить вопрос, который дебатировался уже со времён Грибоедова – вопрос о странном поведении героя, которое заставило Пушкина усомниться в его уме. Поэт недоумевал: «Всё что он [Чацкий] говорит, - очень умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским

бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека – с первого взгляду знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым и тому подобн.»²⁰. Думается, что Пушкин здесь несколько недооценил одну из самых характерных черт поведения своих передовых современников.

Существуют свидетельства друзей Пушкина, как сам поэт в период южной ссылки «ораторствовал», высказывая свои политические убеждения в гостиных.

Нам представляется, что объяснять поведение Чацкого нужно не только социально, но и социально-психологически. И здесь прав Н. П. Огарев, который пишет: «... вспоминая, как в то время члены тайного общества и люди одинакового с ними убеждения говорили свои мысли вслух, везде и при всех, дело становится более чем возможным – оно исторически верно. Энтузиазм во все эпохи и у всех народов не любил утаивать своих убеждений, и едва ли нам можно возразить, что Чацкий не принадлежит к тайному обществу и не стоит в рядах энтузиастов; Чацкий чувствует себя самостоятельным врагом порядка вещей своего времени, он высказывает свои убеждения Фамусову, потому что они оскорбляют Фамусова, а ему надо оскорблять Фамусовых, и тогда дело становится не только исторически верным, но и лично для Чацкого естественным»²¹.

Таким образом, Огарев историческое содержание в поведении Чацкого связывает с «энтузиастическим» мироощущением большинства лучших людей всего того этапа жизни, когда назревало первое революционное выступление против самодержавия в России.

Н. В. Гоголь тоже считает поведение Чацкого глубоко оправданным как социально, так и самой сутью конфликта «Горя от ума», где «25 глупцов на одного здравомыслящего человека» (Грибоедов). **Гоголь замечает:**

²⁰ Пушкин А. С. Письмо А. А. Бестужеву от 30 января 1825 г. // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. XIII. М.:Л.: АН СССР, 1937. С. 137.

²¹ Григорьев Ап. По поводу нового издания старой вещи // Ап. Григорьев. Литературная крика. М.: Худож. лит., 1967. С. 503.

«Такое скопище уродов общества, из которых каждый окарикатурил какое-нибудь мнение, правило, мысль, извративши по-своему законный смысл их, должно было вызвать в отпор ему другую крайность, которая обнаружилась ярко в Чацком»²².

Нам кажется, что нельзя согласиться с Я. С. Билинким, который считает, что «ум Чацкого никак не даёт ему глубины и серьёзности понимания жизни, людей». Свой вывод исследователь основывает на заблуждении героя Грибоедова относительно чувств Софьи, то есть уже не на социальном, а на любовном уровне конфликта. «Чацкий и правда становится уже смешным, когда всё никак не может взять в толк, что Софья к нему охладела, или на основании нелестных в его представлении слов Софьи о Молчалине заключает, что она Молчалина не любит, или тогда, когда обвиняет Софью в том, что она его, Чацкого, завлекала»²³. Но именно это колебание Чацкого между сомнениями и надеждами в любви И. А. Гончаров относил к психологическим находкам Грибоедова.

Сам Чацкий с горечью говорит: «Судьба любви, играть ей в жмурки» (62). Действительно, требовать холодного и рационального здравомыслия от молодого, пылкого, влюблённого человека значит идти против непредсказуемой сложности самого любовного чувства. Да и к тому же, если бы Чацкий «образумился» сразу, то и сюжет бы оборвался в самом начале, ибо его недоверчивость в любви Софьи к Молчалину является одним из важнейших двигателей действия. Стоит согласиться с В. Ф. Одоевским, который подчеркивал жизненную достоверность образа Чацкого, замечал, что Грибоедов вовсе «не думал представить идеала совершенства, но человека молодого, пламенного...»²⁴. А Вл. И. Немирович-Данченко писал: «Трудно встретить во всей русской литературе образ молодого человека более искреннего и нежного при таком остром уме и широте мысли»²⁵.

²² А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 102.

²³ Билинкис Я. С. Указ. соч. С. 14.

²⁴ А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 30.

²⁵ Там же. С. 279, 281, 300.

Итак, Чацкий в комедии Грибоедова – воплощение молодой, устремлённой в будущее России кануна декабрьского восстания. Он – пылкий энтузиаст, максималист; примирение с общественными пороками для него невозможно. Это человек, который стремится к высокому служению родине, важному общественно значимому «делу» и презирает подлое прислужничество вышестоящим «лицам», низкопоклонство и делячество. Он ополчается против крепостничества, против нарушения в нём исконных естественных прав человека. Чацкий – просветитель и пропагандист: он своим пламенным обличительным словом стремится исправить общественные нравы, искоренять заблуждения.

К нему можно применить слова, сказанные Грибоедовым о себе самом: «По духу времени и вкусу он ненавидел слово “раб”». Чацкий всем существом своим противостоит духовному рабству, не подчиняется существующей системе общественных пороков и предрассудков, превыше всего ценит свою внутреннюю свободу, берёт на себя «ответственность самобытности» (А. И. Герцен). Он не предаст своих убеждений ради скромного житейского благополучия, скроенного на общий манер. Поэтому Молчалин, отказавшийся от права «свое суждение иметь» и провозгласивший принцип зависимости от других, вызывает в нём отвращение; и с горечью сожаления смотрит он на своего недавнего друга, Платона Михайловича Горича, который утратил былую энергию и погрузился в апатию и духовный застой, не выдержал морального давления фамусовского общества, стал покорным «мужем-мальчиком, мужем-слугой, из жениных пажей» (133).

И Чацкого фамусовское общество тоже пытается сделать «своим», подогнать под принятую в нём среднюю человеческую норму. Это началось давно, ещё в предыстории комедии, когда Фамусов, воспитывая Чацкого, сына своего покойного друга, возил мальчика на поклон к «Нестору

негодяев знатных», к влиятельному вельможе, видимо, из лучших побуждений, желая обеспечить своему воспитаннику весомое покровительство в карьере. Как вспоминает Чацкий, возил «на поклон», учил кланяться власть имущим. Но не преуспел Фамусов: Чацкий, обретая самостоятельность, «съехал» из его дома и ушел к «умным людям», счастливый их дружбой. И вот теперь, в развитии действия комедии, и Фамусов, и даже Молчалин, защищающие свою систему ценностей (представления о службе и долге, о чести и человеческом достоинстве, о семейных основах, об истинном уме, о любви и т. д.), в сущности, активно пытаются навязать её Чацкому, погасить его непримиримый протест, обуздать его «ум тонкий, гений смелый» (64).

Фамусов советует ему, во-первых, «не блажить», то есть бросить «завиральные» вольнолюбивые идеи; во вторых, требует не управлять «оплошно» имением, то есть в ущерб своей выгоде не заботиться об улучшении жизни крестьян; а главное, стремится направить своего бывшего воспитанника на проторенную многими поколениями «московских тузов» дорогу карьеризма, приобретения чинов путём бесчестной изворотливости и угодничества. Ставит ему в пример и поучение Максима Петровича (35), сожалеет о напрасно, по его мнению, растрчиваемых им способностях («славно пишет, переводит», «он малый с головой», «но захоти: так был бы деловой». 47). Кстати, о Молчалине Фамусов тоже отзывается «деловой». То есть официально дозволенная при деспотическом режиме «служба» может уравнивать «гордеца» и вольнодумца Чацкого с «прислужником» Молчалиным.

Софья прямо заявляет, что смелость суждений, независимость поступков Чацкого не пригодны для мирной семейной жизни, текущей под диктат жены: «Да эдакий ли ум семейство осчастливит?» (67). И даже Молчалин с унижительной жалостью советует умному и заносчивому неудачнику съездить за покровительством к влиятельной московской барыне (72).

Кто знает, если бы Чацкий выполнил эти требования, стал «как все», быть может, и Софья вернула бы ему свою любовь, и Фамусов позволил бы ему посвататься к дочери, и по служебной лестнице герой поднялся бы к самым вершинам (ведь он уже был связан с министрами в Петербурге!).

Но Чацкий остаётся верен себе, не совершает духовного отступничества; уж лучше «милльон терзаний». Он смело ниспровергает столпы и авторитеты фамусовского общества: открыто называет низкопоклонниками и льстецами екатерининских вельмож, которые вместо настоящей службы разыгрывали роль шутов перед императрицей; доказывает, что общепризнанные «отечества отцы» – жестокие крепостники, «негодяи знатные», отвратительные своей нравственной глухотой, способные выменять на трёх борзых собак своих верных слуг или распродать «поодиночке» детей из своего крепостного балета, то есть по своей прихоти разрушить семьи крестьян. Все преклоняются перед «обходительной», «умной», «милой», «простой» Татьяной Юрьевной – а Чацкий прямо называет её «вздорной»; все прославляют глубокомыслие и «слог» удачливого чиновника Фомы Фомича – а Чацкий считает его глупейшим человеком, «из самых бестолковых» (73). Все гордятся «высшим» французским тоном, царящем в свете, – а Чацкий с горечью видит в нём проявление «духа рабского, слепого подражания» иностранщине, которое ведёт к отрыву дворянства от «умного, бодрого» народа (105-106).

Таким образом, конфликт Чацкого, носителя новых прогрессивных идей, с «веком минувшим» глубок, непримирим и захватывает все сферы жизни. И фамусовское общество страшится человека, отнимающего у него уверенность в незыблемости тех основ, на которых оно стоит, в «образцовости» его понятий и норм.

Чацкий силён и тем, что у него появляется всё больше и больше единомышленников. Их образы Грибоедов создаёт беглыми сквозными линиями второго плана, рисуя **внесценические** персонажи: двоюродного

брата Скалозуба, который, как Чацкий, «крепко набрался каких-то новых правил» и тоже отказался служить деспотическому режиму, предпочтя духовную свободу, обратившись к занятиям наукой в деревне, вдали от бессмысленной светской суеты (43); племянника княгини Тугоуховской, который «чинов не хочет знать» и после окончания педагогического института становится «химиком и ботаником»(101). К лагерю сторонников Чацкого можно отнести других студентов и профессоров этого «вольнодумного», по мнению фамусовского общества, учебного заведения; в одном ряду с ними и те, кто обучается в многочисленных «пансионах, школах, лицеях», от которых старуха Хлѣстова готова сойти с ума (101).

И «век минувший» под натиском этой новой силы ещё ожесточеннее защищает свои обветшавшие устои. «Мучителей толпа» ополчается против Чацкого, не прощая ему его инакомыслия и пуская в ход против него излюбленное и страшное оружие – клевету. Сам Грибоедов подчеркивал, что это сознательная расправа фамусовского общества с героем: ведь никто всерьѐз не верит слухам о его сумасшествии, но все с увлечением их повторяют, уснащая новыми подробностями («шампанское стаканами тянул...»), «в горах был ранен в лоб, сошёл с ума от раны»).

И Чацкий, никем не понятый и всеми гонимый, покидает Москву, за одни сутки потеряв любимую девушку и надежды на личное счастье, утратив свои просветительские иллюзии о возможности заронить в сердца людей искры чести и благородства. Из пылкого энтузиаста он превращается в «лишнего человека»; на наших глазах происходит смена «героев времени». Не случайно Герцен замечает, что Чацкий – «старший брат» Онегина, а Печорин – его «младший брат».

Действительно, Чацкий меняется на протяжении действия комедии. На это обратил внимание И. А. Гончаров²⁶, суть этих перемен в герое, их «этапность», отражающую в себе развитие конфликта (общественного и любовного) обозначал С. М. Петров. «Чацкий

²⁶ Гончаров И. А. Мильон терзаний // А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 110.

возвращается в Москву, полный надежд и мечтаний. В чужих краях он истосковался по родине, «и дым отечества» ему «сладок и приятен». Он оживлён свиданием с Софьей. Его остроты веселы, но не желчны»²⁷. Интересно что в острологии Чацкого насчет старозаветной Москвы в первом действии мы видим фактически в лёгких иронических карикатурах всех будущих представителей фамусовского общества, которые появятся далее. Показательно, и фактически никто из исследователей этого не замечал, что в этом первом монологе героя затрагиваются и все темы его будущих обличений и отрицаний. Но пока они ещё воспринимаются им как чудачества и осколки «века минувшего», утратившие жизненную силу, а потому – только смешные.

Возвращаясь полный надежд в Москву, Чацкий предвидел встречу с представителями фамусовского общества. «Жить с ними надоест, - говорил он Софье при первом свидании, тут же утешая себя: «и в ком не сыщешь пятен?». Но он всё же был уверен, что фамусовщина может быть отвергнута обществом, которое возможно изменить и исправить путём воздействия передовых, благородных, гуманных идей.

«Однако реальная действительность оказалось куда более мрачной. Старые друзья (Горич) были заражены в той или иной мере фамусовщиной. Встреча с Репетиловым раскрыла Чацкому поверхностность и пустоту либерализма многих, ничтожность собраний “либералистов”, происходящих в “Английском клубе”. Чацкий понял, что фамусовские идеалы и принципы, несмотря на их нравственное безобразие, очень живучи в современной ему действительности, что слишком рано назвал он “преданием” “век минувший”, что велика ещё сила его традиций»²⁸.

²⁷ Петров С. М. «Горе от ума» (комедия А. С. Грибоедова: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1981. С. 49.

²⁸ Маркович В. М. Комедия в стихах А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Анализ драматического произведения. Л.: Из-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 27.

Когда же он узнал, что Софья предпочла ему Молчалина, что именно она пустила в ход сплетню о его сумасшествии, фамусовщина, казавшаяся вначале отжившей и смешной, представляется ему зловещей и страшной.

И Чацкий восклицает:

**С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неуголимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором.
Безумным вы меня прославили всем хором
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышет воздухом одним,
И в ком рассудок уцелеет (134).**

Нам представляется глубоко верным замечание А. В. Луначарского, который писал: «Комедия “Горе от ума” – драма о крушении ума человека в России, о скорби, которую испытывал представитель ума в России. Разве Пушкин не восклицал: “Догадал меня черт родиться в России с умом и талантом!”. А Чаадаев, написавший самую умную книгу в тогдашней литературе, разве не был провозглашен безумцем? Всё высшее общество – “высокопоставленные Несторы”, выжившие из ума старухи – всем стадом твердило об этом безумии»²⁹. С такой же точки зрения подошёл и Ю. Тынянов, утверждавший сложную многослойность комического положения Чацкого. «Центр комедии – в комичности положения самого Чацкого, и здесь комичность является средством трагического, а комедия – видом трагедии». Иными словами, Ю.

²⁹ Луначарский А. В. А. С. Грибоедов // А. В. Луначарский. Собр. соч.: В 8 т. Т. I. М.: 1963. С. 14.

Тынянов полагает, что в «Горе от ума» комическая форма выражает некий трагический элемент содержания, что «Горе от ума» – своего рода трагикомедия³⁰.

Не случайно, и Герцен в одном из своих лучших определений образа Чацкого подчеркнул в нём трагичность именно в противопоставлении со всем «укладом» русской общественной жизни того времени: «Образ Чацкого, печального, неприкаянного в своей иронии, трепещущего от негодования и преданного мечтательному идеалу...»³¹.

Таково трагическое разрешение конфликта Чацкого с фамусовской Москвой, «века нынешнего» и «века минувшего» в конкретно-историческом плане, приоткрывающее и последующую трагедию на Исаакиевской (Сенатской) площади 14 декабря 1825 года, когда «ста прапорщикам» не удалось изменить «государственный быт России».

Но нам кажется, что из всего почти двухвекового разноречия мнений и трактовок финала грибоедовской комедии наиболее объективной и верной является точка зрения И. А. Гончарова, который считал, что «Чацкий сломлен количеством старой силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей»³². Заслугой критика является то, что он увидел вечное, общечеловеческое значение типа передового человека, открытого Грибоедовым.

Герой одержал моральную победу над старым миром как «передовой курьер неизвестного будущего». Гончаров подчеркнул двойственность положения Чацкого в финале комедии: Чацкий воин, «и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и – всегда жертва; Чацкого роль – роль страдательная: оно иначе и быть не может. Такова роль всех Чацких, хотя она в то же время и всегда победительна. Но они

³⁰ Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горя о ума» // «Литературное наследство» Т. 47/48. М.: Наука, 1946.. С. 172-173.

³¹ Герцен А. И. Ещё раз Базаров // Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII. М.: Наука, 1959. С. 179-181.

³² Гончаров И. А. Милльон терзаний // А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958. С. 114.

не знают о своей победе, они сеют только, а пожинают другие – и в этом их главное страдание, то есть в безнадежности успеха. Чацкий неизбежен при каждой смене одного века другим. Кроме крупных и видных личностей, при резких переходах из одного века в другой – Чацкие живут и не переводятся в обществе, повторяясь на каждом шагу, в каждом доме, где под одной кровлей уживаются старое с молодым, где два века сходятся лицом к лицу в тесноте семейств, - всё длится борьба свежего с отжившим, больного со здоровым, и всё бьются в поединках миниатюрные Фамусовы и Чацкие <...> Вот отчего не состарился до сих пор и едва ли состарится когда-нибудь грибоедовский Чацкий, а с ним и вся комедия»³³.

II.2. «Государственный быт России» (А. С. Грибоедов). Фамусовское общество

Выше мы уже отмечали, что особый драматизм положения Чацкого в «Горе от ума», а также предпосылка такого, а не иного развития и разрешения конфликта в комедии заключается в том, что герой, представляющий «век нынешний», оказывается один на один с целым укладом «века минувшего», с монолитной и многоликой массой фамусовского мира, фамусовского общества.

Современник Грибоедова П. А. Вяземский подчеркнул новизну пьесы в том, что Грибоедов, «расширяя сцену, населяя её народом действующих лиц <...> расширил и границы самого искусства».

В «Горе от ума» создаётся именно собирательный образ барской Москвы. Разные лица, разные персонажи оказываются близки друг другу в своём жизненном поведении, потому что принадлежат одному времени и одному миру, потому что во всех них выражает себя одна и та же система общественных связей.

³³ Там же. С. 127.

Н. К. Пиксанов подсчитал, что если в грибоедовской комедии есть двадцать шесть персонажей, наделённых какими-нибудь репликами, то упомянуты ещё свыше сорока пяти лиц, и заметил, что без них «не закончена была бы картина грибоедовской Москвы, неполон был бы идейный смысл пьесы»³⁴.

Гильоме и французик из Бордо, Кузьма Петрович и Максим Петрович, г. Н. И г. Д. – это именно разные фигуры. Но в каждом из них в отдельности и во всех вместе проступает общая основа целой системы жизни. Некоторые из этих лиц лишены у Грибоедова даже имён (г. Н., г. Д.), иные лишь именем, собственно, и выделяются, настолько в том, что о них сообщается, они напоминают других (Кузьма Петрович и Максим Петрович, Татьяна Юрьевна и княгиня Марья Алексеевна) многие оставлены за сценой. Причем отметим, что в количественном отношении число внесценических персонажей со стороны фамусовского мира превышает количество упомянутых разными героями в пьесе молодых вольнодумцев лагеря Чацкого.

Таким образом, за любым суждением, за любым поступком Фамусова или Скалозуба, Молчалина или Загорецкого, точнее, в каждом этом суждении и поступке заявляет себя общество в его целом и в его внутренних переплетениях. Грибоедов представляет барскую Москву как некое целое и непосредственное. Он собирает её людей на вечер к Фамусову, обнажая тут органичность и непреложность связи их характеров друг с другом.

Я. С. Билинкис прослеживает, как в ходе работы над комедией Грибоедов неоднократно переводил поступки отдельных персонажей сразу и прямо в общую особенность жизни фамусовского мира³⁵. Так, в монологе Чацкого «А судьи кто?» какой-то один «грабительством богатый» человек к

³⁴ Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». – М.: Наука, 1971. С. 201.

³⁵ Билинкис Я. С. На повороте истории, на повороте литературы: О комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Русская классическая литература: Разборы и анализы. М.: Просвещение, 1969. С. 17-18.

окончательному тексту уступает место сразу множеству подобных лиц: «Не эти ли, грабительством богаты?»

С. М. Эйзенштейн обратил внимание на то, что даже в синтаксической структуре текста «Горе от ума» виден процесс соединения в целое *отдельных и частичных выражений общего склада жизни*.

Вот Чацкий в возмущении произносит:

Когда избавит нас творец

От шляпок их! и шпилек!! и булавок!!!

И книжных и бисквитных лавок!

Если обратить здесь внимание на грибоедовскую пунктуацию, то мы видим восклицательные знаки там, где можно было бы ожидать запятых. Эти восклицательные знаки сначала, пока они не удвоены, не утроены, отмечают отдельность и как бы самостоятельность проявлений этих шляпок и чепцов, оказывающихся и грозными, и опасными, когда они продолжают друг друга, когда они все уже вместе, непосредственно представляют и составляют целое. Становясь двойными и тройными, восклицательные знаки передают здесь совместное уже действие и общую силу того, что Чацкого окружает.

Можно сказать, что в грибоедовской комедии всякий персонаж едва ли не в равной степени и выступает от какого-то целого, и непосредственно вносит свою лепту в сложение его, этого целого, собирательный образ.

Исследуя систему образов в «Горе от ума», Я. С. Билинкис задаёт вопрос: «Что же соединяет друг с другом людей фамусовской Москвы? Что противопоставляет их Чацкому и упомянутым в комедии его единомышленникам?»³⁶. **Ученый справедливо замечает, что, когда мы произносим слова – «фамусовская Москва», в нашем сознании встаёт в первую очередь «устоявшийся, утвердившийся быт».**

³⁶ Там же. С. 20.

Вот Фамусов садится с Петрушкой расписывать свои занятия на неделю. И все эти занятия, самый этот ритуал занесения их в календарь – всё это быт, сложившийся уже давно-давно, прочный, незабываемый.

Вот появляется Горич, ставший совсем не таким, каким его совсем недавно знал Чацкий. Что изменило, что сломало этого храброго человека, легко отступающего теперь от своего друга и отдающего его общему мнению? Быт, подчинённость всего в каждом человеке установленному и установившемуся порядку. На наших глазах бытовые заботы и бытовые привычки Натальи Дмитриевны, окружая и охватывая Горича, мешают его способности проявить свою собственную личность.

Наталья Дмитриевна определяет жизнь своего мужа, вчера ещё одного из героев 1812 года, Софья, уже желающая сама сложить свою судьбу, придумывает себе своего избранника, прежде всего, ...покорным и удобным. В своём «хвалебном слове» Молчалину она говорит:

При батюшке три года служит,
Тот часто без толку сердит,
А он [Молчалин] безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит... (66).

Чудеснейшего свойства

Он наконец: уступчив, скромн, тих (67).

Быт заявляет свои права; быт, его уклад. Люди Москвы сходятся к Фамусову на вечер. И тут нравы предстают уже непосредственно как массив и как сила. Горичи, Тугоуховские, Хрюмины, Загорецкий, Хлестова являются друг за другом. Они заполняют сцену своей обычной жизнью. И вот уже возникают г. Н. и г. Д., не отмеченные даже фамилиями, настолько целиком, без остатка принадлежат они быту.

И. А. Гончаров в своей статье «Милльон терзаний» подчеркивал, что быт, как он обрисован в «Горе от ума», *уже в грибоедовское время принадлежал больше прошлому, чем настоящему.* Историческая

исчерпанность старого быта ложится у Грибоедова в основу драматического действия пьесы.

Поначалу в поведении Софьи Фамусов видит лишь повторение и продолжение ветрености своей супруги («Ни дать, ни взять она, как мать её, покойница жена. Бывало я с дражащей половиной чуть врознь: - уж где-нибудь с мужчиной»). 131). Но Софья на самом деле поступает не по фамусовски, незаурядность выводит её из привычного. И тут возникает переполох.

Старик Фамусов не напрасно опасается суждений «княгини Марьи Алексеевны». Речь уже заходит о прочности или непрочности самих основ быта и стоящего за ним бытия. Старая Москва отстаивает формы своей жизни, пытаясь так сохранить самоё себя.

Выше мы говорили и повторим это как важное ещё раз, что Фамусов, главный идеолог «века минувшего», настаивает именно на образцовости всех его проявлений, на их вечности и требует, чтоб эти образцы воспринимались молодым поколением. Именно учиться, «на старших глядя», призывает он Чацкого, приводя «в пример» екатерининских вельмож. Он и себя (с затаённой радостью и торжеством) тоже склонен причислить с таким же образцам. «Не надобно иного образца, когда в глазах пример отца», - поучает он Софью. (13). Смущаясь явно поставить себя рядом с примером дяди Максима Петровича, он как бы исподволь делает это обобщенным местоимением «мы»: «мы, например, или покойник дядя...» (25).

И Чацкий в комедии не просто обличает московские нравы, а отрицает именно претензию старых жизненных норм быть образцовыми и своей стойкостью, не сломленной даже «миллионом терзаний», внутренней свободой лишает их этого права. В этом суть конфликта и моральная победа Чацкого, которой он ещё не осознаёт.

Но при одном намёке он эту победу умирающий быт барской Москвы становится действенной и жестокой политической силой, что и

определяет судьбу Чацкого и отводит быту место в политической комедии.

При встрече с Чацким и скажется весь потенциал таящейся в отжившем быте политической реакционности. Быт противопоставляет Чацкому свою привычность, свою прочность и давность. И Чацкому суждено будет после бурно-пламенного обличительного монолога увидеть своих врагов танцующими – танцующими так, как это издавна принято на балах.

Спасаясь от прямой и открытой атаки Чацкого, быт по-своему осмыслит непримиримого своего противника и идеологически – Чацкого единодушно объявят сумасшедшим.

Сам Грибоедов осмысливал эту клевету на Чацкого как сознательную политическую расправу с инакомыслящим, которого не удалось перемолоть в привычный безликий материал, воплощающий в себе только общие для всего старого мира быт и нравы. Писатель подчеркивает: «Кто-то со злости выдумал о нём, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют...»³⁷.

М. В. Нечкина, справедливо уделяя особое внимание этому «никто не поверил», показывает, что **основания**, которые приводятся фамусовским обществом для вывода о безумии Чацкого, на самом деле этого не доказывают.

Хлётлова

Туда же из смешливых;

Сказала что-то я, он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в архивах.

Графиня-внучка

Меня модисткою изволил величать!

37 Грибоедов А. с. Письмо П. А. Катенину от 14 февраля 1825 г. // А. С. Грибоедов. Соч. М.-Л.: Гослитиздат, 1959. С. 411.

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему (100).

«Каков бы ни был ум Натальи Дмитриевны или графини-внучки, они ведь не могут серьёзно думать, что совет мужу жить в деревне или сравнение с модисткой есть доказательство сумасшествия. Все эти лица излагают не доказательства безумия Чацкого, а просто свои мотивы недовольства Чацким, и только. Когда княгиня при разъезде говорит о Чацком “Я думаю, он просто якобинец, ваш Чацкий!!!” – то она и вскрывает подоплёку дела. Сумасшедший не может быть якобинцем. Её же слова: его ”давно бы запереть пора” – лишь обнаруживают истинный смысл клеветы»³⁸. «На наших глазах отживающий быт, весь в целом, делает решительный и решающий шаг к воинственной политической реакционности», - делает вывод Л. А. Степанов³⁹.

II.3. Чацкий и его ровесники в конфликте «века нынешнего» и «века минувшего». Проблема нравственного выбора.

Вопросы

1. Как вы понимаете термин: «жизненная позиция»? Как это понятие соотносится с понятиями: «мировоззрение», «личностная индивидуальность», ответственность (за что?), активность (в чём?)?.

2. По возрастному или по идейному принципу разделяются персонажи «Горе от ума» на «век нынешний» и «век минувший»?

3. В чём различие между старшими представителями фамусовского общества и молодыми людьми, сверстниками Чацкого, включившимися в орбиту старого жизненного уклада?

³⁸ Степанов Л. А. Действие, план и композиция «Горе от ума» // Проблемы творчества Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 98.

³⁹ Билинкис Я. С. Указ. соч. С. 19.

Обычно исследователи, характеризуя персонажную массу, составляющую в «Горе от ума» «век минувший», включают в неё героев независимо от их возраста. Это до некоторой степени справедливо: действительно, в системе образов грибоедовской комедии разделение героев на два конфликтно противостоящих лагеря идёт в основном не по возрастному кругу, а по идейному принципу. Но специальное рассмотрение образов представителей молодого поколения, ровесников Чацкого, возросших на почве жизненных ценностей «века минувшего», необходимо, поскольку оно открывает важные проблемные комплексы в основном конфликте «Горя от ума».

Действительно, если старый уклад барской Москвы исторически уходит в прошлое, то какие же человеческие последствия он оставляет после себя, отправляя их в будущее? Бросим взгляд на героев, которые по летам своим могут быть отнесены к сверстникам Чацкого.

Во-первых, это полковник Скалозуб, возможный жених Софьи, столь желанный для Фамусова. Выше мы уже подробно характеризовали этого героя. Здесь же важно подчеркнуть, что в нём представлено органичное продолжение старых традиций, которые он не просто воспринимает, а как будто с ними и родился: как и Фамусов, он искренне, бессознательно восхваляет эти традиции, на понимая их порочности.

Но есть среди сверстников Чацкого и такие, которые отчетливо видят, что жизненная система фамусовского общества не соответствует истинным высоким и справедливым человеческим идеалам. Но по отношению к этой системе они занимают разные жизненные позиции, которые, каждая по-своему оттеняет благородный максимализм Чацкого. Ранее мы останавливались уже на драме духовного отступничества, запечатлённой Грибоедовым в образе Платона Михайловича Горича, недавнего друга Чацкого, не отстоявшего себя прежнего под натиском московского быта. Сначала, с безнадежной хладнокровностью, «со вздохом», он в обществе жены признаёт перед

Чацким своё поражение, повторяя: «Теперь, брат, я не тот...» (80). Потом, вместе со старым другом путешествуя по бальной зале фамусовского дома, он, казалось бы, обретает былую живость и презрительно отталкивает от себя этот быт в лице Загорецкого, хлестко, «по-чацки» саркастически характеризуя последнего:

Как эдаких людей учтивее зовут?

Нежнее? – человек он светский,

Отъявленный мошенник, плут:

Антон Антоныч Загорецкий.

При нём остерегись: переносить горазд;

И в карты не садись: продаст (86).

Но в критической, острой ситуации он вновь оказывается неспособным противостоять натиску фамусовского общества и, ранее предав себя, делает следующий шаг, в сущности, предавая друга. Сначала он как бы и пытается противостоять сплетне о сумасшествии Чацкого, чуть ли не с гневом восклицая: «Кто первый разгласил?». Но потом в своей ответной реплике на уверения жены, что разгласили все, он произносит: «Ну, все, так верить поневоле, а мне сомнительно» (99). В этой реплике нет, как считают многие исследователи, пассивного согласия. Платон Михайлович пытается иронизировать по поводу магического влияния на жену общественного мнения «всех». Но он только сомневается, а не опровергает с негодованием клевету и даже не пытается предупредить о ней Чацкого, а ведь тот где-то недалеко!

Молчалин так же, как и Чацкий, возрос на почве русской исторической действительности 1810-1820 годов. Но, тем не менее, он главный антагонист Чацкого в комедии «Горе от ума», он не только идейный противник, но и счастливый соперник в любви, то есть активность его проявляется в обоих планах единого конфликта пьесы.

Главное отличие героев друг от друга заключается в их разной позиции по отношению к порочному «социальному быту» России. Для

Чацкого примирение с пороками «века минувшего» невозможно; Молчалин же умело пользуется ими для достижения своекорыстных целей. Мы уже показали, что в Чацком главное – его «ответственность самобытности» (А. И. Герцен), готовность отстаивать свою личностную индивидуальность, внутреннюю свободу иметь новые вольнолюбивые убеждения и жить по ним. И в этом он победил, несмотря на жесткое давление общепринятых нравственных понятий, жизненных норм фамусовского мира, которые у Грибоедова мыслятся как повседневное, бытовое воплощение деспотизма государственного.

«Безродный» же Молчалин всеми силами хочет стать «своим» в фамусовском обществе и ради этой цели он приносит в жертву свою внутреннюю свободу. Мы видим, как в пьесе герой буквально растворяется в чужих желаниях, мнениях, помыслах. При Фамусове он – деловой, то есть один занимается работой, перед Софьей он «принимает вид» покорного и робкого романтического влюблённого (хотя там, где он ещё может ненадолго сбросить свои многочисленные маски – перед Лизой – на любовь он смотрит вполне по-земному и даже с оттенком пошлости), своей услужливостью он всегда готов погасить вздорные вспышки гнева Хлёстовой: «там моську вовремя погладит, тут впору карточку вотрет» (91).

И своё духовное отступничество Молчалин совершает ради того, чтобы завоевать в фамусовском мире «место под солнцем». Причем его не манят административные и светские высоты, он не метит ни в московские «тузы», ни «в генералы»; он даже не мечтает жениться на дочери своего начальника и богатой наследнице - Софье, воспринимая её безоглядную любовь к нему как каприз («любила Чацкого когда-то, меня разлюбит как его» (126)), который он должен исполнять «в угоду дочери такого человека – который поит и кормит, а иногда и чином подарит» (127). Ему достаточно достичь «степеней известных», то есть обывательского среднего уровня благополучия.

Молчалин отказывается от всего. И от того, что свойственно вообще молодому человеку: он мог бы «веселостей искать», но нет – он целый день играет в карты со стариками (67). И от того, что составляло святая святых декабристского, пушкинского, грибоедовского поколения. – от свободы выбора, искренности и страстности в любви. И даже от того, что всегда являлось личным, самым глубоко потаённым – от права иметь «своё суждение».

Сам Молчалин в своеобразном идейном поединке с Чацким (действие III, явл. 3) свою внутреннюю несвободу, лицемерие выдвигает как сознательно избранную жизненную позицию, заявляя о своём «таланте» к «умеренности и аккуратности», о необходимости, вследствие «небольших чинов», зависеть от других во всём, не только в службе, развлечениях, любви, но и даже в самом глубоко личном – в суждениях, то есть в образе мыслей.

Таким образом, противостояние Чацкого и Молчалина в «Горе от ума» открывает ещё одну, актуальную во все времена, сторону конфликта – вечную общечеловеческую проблему выбора, перед которым поставлены люди неблагополучием окружающей их общественной действительности.

В заряженных конфликтностью отношениях Чацкого и Молчалина кульминацией является явление 3 действия III-его, где герои сходятся один на один в идейном поединке. И значение этого поединка гораздо важнее, чем все прежние «сшибки» Чацкого с главным идеологом старой барской Москвы – Фамусовым. Не случайна структура этих споров: Чацкий и Фамусов обмениваются монологами: целостная система взглядов Фамусова атакуется и отрицается противоположной – Чацкого. Смысловая насыщенность этих сцен велика, но заряд действия несколько ослаблен; они только готовят дальнейшее развитие действия.

И. А. Гончаров пронизательно заметил, что в них Чацкий непобедим: ум его беспощадно поражает больные места врагов. Фамусов ничего не находит как только зажать уши против его логики, но при этом уже отстреливается определениями своего вольнодумного воспитанника в карбонарии, в «опасные» люди, «под суд! под суд!» (36-38), как бы репетируя финальную клевету на упряма, не отказавшегося о «завиральных идей».

Сцена же с Молчалиным написана как диалог, удары противников взаимны и обоюдоостры. Сцена очень динамична. Чацкий впервые встретил сопротивление! И от кого? От Молчалина, которого привычно считал безгласным ничтожеством. А тот вдруг заговорил; не стушевался перед хлесткой иронией Чацкого, а обернул дело так, что сами нападки соперника решил извинить его желчностью от служебных неудач. И Чацкий теперь вынужден обороняться, а Молчалин, не обращая внимания на его иронические уколы, всё наступает, покровительственно советует, унижает сочувствием, приводит примеры.

Молчалин торжествует: его сила в том, что за ним авторитет образцов старого мира (Татьяна Юрьевна, Фома Фомич), правил, предписывающих, что должно, что не должно, не ему одному, а многим («в чинах мы небольших»).

Молчалин упивается ощущением, что он всё более и более становится «своим» в фамусовском мире; ведь вот он уже его представляет от лица общепризнанных авторитетов.

Грибоедов здесь горестно пророчит будущее «блаженство» Молчалиных, чей личностный тип станет «официальным», государственным образцом, насаждаемым деспотизмом Николая I после поражения декабристов. Средний уровень, средние способности, безликость, безгласность, «не можно сметь своё суждение иметь...». А Чацкий впервые по-настоящему смущен. И далее – сцена бала и «миллион терзаний» героя катастрофически множится.

Заключение

Проведённое в работе исследование позволяет нам сделать следующие выводы о своеобразии конфликта в комедии Грибоедова «Горе от ума», особенностях его воплощения в системе образов и в развитии сценического действия.

1. В конфликте «Горя от ума», который в самой комедии определён как противостояние «века нынешнего» и «века минувшего», Грибоедов реалистически точно воспроизвёл противоборство двух лагерей в русском обществе накануне декабрьского восстания 1825 года. На службу своему реалистическому замыслу он поставил знаменитый закон классического триединства: действия, места и времени. Ещё И. А. Гончаров показал, что любовная драма Чацкого органически входит в конфликт общественный и им определяется, в свою очередь психологически мотивируя тревожное, взрывоопасное состояние героя в идеологических спорах с фамусовским миром. Противостояние двух общественных сил настолько обострилось, что проникло в интимную сферу человеческих чувств и разделило ранее любивших друг друга людей.

Это противостояние настолько назрело, что проявляется в самой обычной дворянской гостиной, захватывая людей не на политических «сходках», а на бале; и разрешается конфликт катастрофически быстро, в течение суток.

2. Конфликт в «Горе от ума» не просто социально-бытовой или социально-политический. Для него характерна повышенная идеологическая насыщенность. Ведущие герои предстают как идеологи, обосновывающие и защищающие две различные целостные мировоззренческие системы, противоположные во всём – в отношении к службе, чести и долгу; к крепостному праву как к основе прежнего и теперешнего уклада русской жизни; к национальной самобытности русского общества; к критериям оценки достоинств человека; к просвещению; к характеру чувствований.

3. В содержательном наполнении идеологического конфликта особенно актуальными являются несовместимые представления Чацкого и фамусовской Москвы о службе, чести и долге, поскольку речь здесь идёт о понимании человеком своего жизненного предназначения, своего места в отечестве. Для Чацкого служба – это высокое служение России, важному общественно значимому «делу», служение, которому человек бескорыстно отдаёт все свои лучшие силы и богатые способности. Вслед за М. В. Нечкиной и Ю. М. Лотманом мы прослеживаем, как в этом высоком понимании Чацким службы отразились взгляды и жизненная позиция реальных прогрессивных кругов русской молодёжи грибоедовского времени – декабристов, Пушкина, самого Грибоедова. Для Фамусова, Скалозуба, Молчалина служба лишена всякого реального общественного значения. Для них – это карьера, которую можно сделать самым бесчестным способом. Анализируя текст комедии, мы выявляем интереснейший процесс перехода идеологии в лексику, способа мыслить в способ говорить. Так, Чацкий постоянно разделяет и противопоставляет понятия и слова «служба» и «прислужничество» («Служить бы рад, прислуживаться тошно» 12)). Фамусов же постоянно играет ими, как-то естественно заменяя слово «служить» словом «подслужиться». Молчалин в одном ряду ставит «служить, и награжденья брать, и весело пожить. 41». А Скалозуб, сознательно отделённый Грибоедовым от героики 1812 года, получает орден

за то, что 3 августа 1813 г. (когда боевых действий с французами не велось) «засел в траншею».

4. Диаметрально противоположны в идеологическом плане конфликта отношения Чацкого и фамусовского общества к крепостному праву. Чацкий отрицает крепостничество (вслед за Радищевым и молодым Пушкиным) в его нравственной несостоятельности и противоестественности. В своём наиболее резком монологе «Где укажите нам, отечества отцы...» он обличает «Нестора негодяев знатных», который походя выменял на трёх борзых собак своих верных слуг, и любителя крепостного балета, распродавшего по одиночке крепостных детей, поправшего самый естественный закон человеческих семейных связей. Интонационно, пунктуационно, графически сам строй этого монолога Чацкого передаёт высший накал, кипение негодования героя, его задыхающуюся от волнения речь.

5. Между конфликтом и системой образов комедии «Горе от ума» мы наблюдаем как бы обратную взаимосвязь. Её отметил ещё В. К. Кюхельбекер, доказывающий, что конфликт и порождённое им действие комедии возникают как раз из расстановки действующих лиц: «Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе, и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, - и только. Это очень просто, но в сей-то именно простоте – новость, смелость, величие того поэтического соображения, которого не поняли ни противники Грибоедова, ни его неловкие защитники». Действительно, система образов комедии сама порождена конфликтом и она же в динамике отношений персонажей переводит его в действие.

6. «Век нынешний», его мировосприятие и жизненная позиция представлены в «Горе от ума» Чацким, к которому можно применить грибоедовское определение: он – один из «ста прапорщиков», желающих «изменить государственный быт России». Проанализировав исследовательскую полемику вокруг этого образа, мы пришли к выводу о

том, что не следует искать в нём прямого отражения личностей самого ли Грибоедова или кого-либо из декабристов. Но писатель создал тип, соответствующий вольнолюбивому духу своего времени, воплощение чистых, высоких помыслов, самоотверженной готовности к борьбе, гордого стремления сохранить свою личность от покушений нивелирующего деспотизма. И одновременно Грибоедов открыл тип вечного передового борца, являющегося в жизнь носителем новых идей и понятий, тогда, когда старый уклад ещё очень силён. Вслед за И. А. Гончаровым мы определили двойственность положения Чацкого в финале пьесы. Не подчинившись попыткам старого мира сделать его «своим», герой подвергся всеобщему гонению, клевете, но одновременно и отнял у фамусовского общества уверенность в образцовости тех жизненных норм, по которым оно существовало. Вкусив «милльон терзаний» в настоящем, Чацкий одержал моральную победу, которая принесёт плоды в будущем.

7. Приводя полемику, начатую в литературе о «Горе от ума» ещё Пушкиным и касающуюся «ума» главного героя, который произносит пламенные речи перед людьми, которые не могут его понять, мы пришли к выводу о том, что подобное поведение Чацкого соответствует типу поведения тогдашней молодёжи декабристского склада и, с другой стороны, открывает в герое «энтузиастическую» (Ап. Григорьев) натуру, возмущённую «скопищем уродов» вокруг себя, искаживших естественную человечность, законный смысл высоких понятий (Н. В. Гоголь).

8. Мы обнаружили также, что на протяжении развития конфликта Чацкий меняется, утрачивая свои просветительские иллюзии о возможности горячей проповеди и обличением пороков разбудить в обществе, погрязшем в предрассудках, гражданские доблести. В финале Чацкий, как утверждал А. И. Герцен, обнаруживает черты будущего «лишнего человека».

9. Драматизм положения Чацкого в комедии заключается в том, что в доме Фамусова он один на один с обществом староверов. Его

сторонники – только немногочисленные (сравнительно с массивом старого уклада) внесценические персонажи – двоюродный брат Скалозуба, племянник княгини Тугоуховской.

10. Фамусовский же мир предстаёт как могущественный бытовой уклад, который, пронизанный идеологией, приобретает силу и значение «государственного быта» России. Почувствовав угрозу своим образцам и традициям со стороны Чацкого, он приходит в действие, превращаясь в силу политическую. Сначала его представители (Фамусов, Молчалин, даже Софья) своими советами, наставлениями, мнимыми сожалениями пытаются навязать Чацкому свою систему жизненных норм. Потом, поняв, что героя не удастся привести к общему знаменателю человеческой посредственности, расправляются с ним при помощи клеветы.

11. Мы нарушаем исследовательскую традицию, рассматривающую в рамках «века минувшего» героев разных поколений и специально выделяем проблему «Чацкий и его ровесники». Через сопоставление Чацкого с «жертвами» (Платон Михайлович Горич), под давлением старого «государственного быта» совершившими духовное отступничество; с теми, кто сознательно принимает пороки этого уклада, ими пользуется и с готовностью растворяется в «общественном мнении» (с Молчалиным); с теми, кто бездумно и бездарно подражает выстрадавшим героическим идеалам «века нынешнего» (Репетилов), мы открываем ещё одну актуальную в наше время сторону конфликта «Горя от ума» – совершение нравственного выбора в пору неблагополучия окружающей общественной жизни.

В заключение мы приведём высказывание современного исследователя С. А. Фомичёва, который считает, что в сюжете «Горя от ума» есть та незаконченность, которая «обуславливает особую форму освоения классических произведений русской литературы в виде возвращения новых

поколений к одним и тем же “проклятым вопросам”, решение которых исторически затянулось»⁴⁰.

Список использованных источников

I. Первоисточники

1. Грибоедов А. С. Горе от ума: Комедия в четырёх действиях в стихах. М.: Наука, 1988. [Малая серия «Литературные памятники»].
2. Воспоминания Бестужевых. М.-Л.: Наука, 1931.
3. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: АН СССР, 1951.
4. Кюхельбекер В. К. Дневник. Л.: Прибой, 1929.
5. А. С. Пушкин – критик. М.: ГИХЛ, 1950.
6. Пушкин А. С. Письма // Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. XIII. М.-Л.: АН СССР, 1947.

II. Исследования.

7. Асмус В. «Горе от ума» как эстетическая проблема // Литературное наследство. 1946. Т. 47-48.
8. Билинкис Я. С. На повороте истории, на повороте литературы: О комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Русская классическая литература: Разборы и анализы. М.: Просвещение, 1969.

40 Фомичёв С. А. Комедия Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. – М.: Просвещение, 1983. С. 4.

9. Билинкис Я. С. Феномен «Горе от ума» // Литературная учеба. 1986. №2.
10. Борисов Ю. Н. «Горе от ума» и русская стихотворная комедия: У истоков жанра. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1978.
11. Борисов Ю. Н. О внесценических образах в «Горе от ума» и русских стихотворных комедиях XVII- начала XIX вв. // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 1989. Вып. 13.
12. Грибоедов А. С. в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958.
13. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. Т. VII. М.: Наука, 1956.
14. Герцен А. И. Новая фаза русской литературы // Собр. соч.: В 30 т. Т. IX. М.: Наука, 1957.
15. Герцен А. И. Ещё раз Базаров // Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII – М.: Наука, 1959.
16. Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо в русской поэзии и в чём её особенность // А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958.
17. Гончаров И. А. «Мильон терзаний» (Критический этюд_ // А. С. Грибоедов в русской критике. М.: ГИХЛ, 1958.
18. Грибоедов А. С. в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980.
19. Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967.
20. Гладыш И. А. и Динесман Т. Г. «Горе от ума»: Страницы истории. М.: Книга, 1971.
21. Голлер Б. Драма одной комедии: [О комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»] // Вопросы литературы. 1988. №1.
22. А. С. Грибоедов. [Статьи и материалы]. М.: АН СССР, 1946. Лит. Наследство. Т. 47-48.
23. А. С. Грибоедов: Материалы к биографии: Сб. научн. тр. Л.: Наука, 1989.

24. Гришунин А. А. «Горе от ума» в литературно-общественном сознании XIX-XX вв. // Русская литература в историко-функциональном освещении: Сб. научн. тр. М.: Наука, 1979.
25. Декабристы и их время: Сб. ст. и материалов: В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1928.
26. Доризо Н. «И гений, парадоксов друг...»: Полемическое прочтение комедии А. С. Грибоедова «горе от ума» // Юность. 1986. №7.
27. Корман Б. О. К дискуссии о комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Изв. АН СССР. Сер. Лит. И яз. 1970. Т. 29. №6.
28. Костелянец Б. Драматургия «Горе от ума» // Нева. 1970. №1.
29. Кунарёв А. А. «Я с восемьсот девяностого служу...», или Карьера Скалозуба: Фрагмент коммент. к комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова // Русская словесность. 2004. №6.
30. Ланщикова А. П. «Горе от ума» как зеркало русской жизни // Литература в школе. 1997. №5.
31. Лебедев А. Грибоедов: Факты и гипотезы. М.: Искусство, 1980.
32. Левин В. И. Грибоедов и Чацкий // Изв. АН СССР. Сер. лит. яз. 1970. Т. 29. №1.
33. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975.
34. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XIXвека). Спб.: Искусство, 1994.
35. Луначарский А. В. А. С. Грибоедов // А. В. Луначарский. Собр. соч.: В 8 т. Т. I. М.: 1963.
36. Маймин Е. А. Заметки о «Горе от ума» Грибоедова: (опыт прочтения комедии) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1970. Т. 29. №1.
37. Маркович В. М. Комедия в стихах А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Анализ драматургического произведения: Межвуз. сб. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.

38. Медведева И. Н. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». М.: Худож. лит., 1974.
39. Мещеряков В. П. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX- начало XX в.). Л.: Наука, 1983.
40. Мещеряков В. П. Жизнь и деяния Александра Грибоедова. М.: Современник. 1989.
41. Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Худож. лит. 1977.
42. Омарова Д. А. План комедии Грибоедова // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: Наука, 1977.
43. Орлов В. Н. Грибоедов: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Искусство, 1952.
44. Орлов В. Н. Грибоедов. Л.: Просвещение, 1967.
45. Орлов В. Н. Художественная проблематика Грибоедова // Литературное наследство. 1946. Т. 47-48.
46. Пауткин А. А. А. С. Грибоедов в 1812 году: Штрихи к портрету // Русская словесность. 1998. №1.
47. Пиксанов Н. К. Творческая история «Горе от ума». М.: Наука, 1971 [С комментариями А. Л. Гришунина].
48. Пиксанов Н. К. Комедия Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Наука, 1988. [Малая серия «Литературные памятники»].
49. Пиксанов Н. К. Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. – РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наследие, 200.
50. Ревякин А. Жанровые особенности «Горя от ума» // Русская литература. 1961. №4.
51. Степанов Л. А. Действие, план и композиция «Горе от ума» // Проблемы творчества Грибоедова. Смоленск, 1994.
52. Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горе от ума» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.

53. Тынянов Ю. Н. Смерть Вазир-Мухтара: Роман. Кишинёв, 1984.
54. Фесенко Ю. П. Тема «Грибоедов и декабристы» в работах последних лет (некоторые итоги) // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: сб.. научн. тр. Л.: Наука, 1989.
55. Фомичев С. А. Национальное своеобразие «Горе от ума» // Русская литература. 1969. №2.
56. Фомичев С. а. Он ненавидел слово «раб» (Грибоедов и декабристы) // Звезда. 1975. №12.
57. Фомичев С. А. Автор «Горе о ума» и его читатели // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л: Наука, 1977
58. Фомичёв С. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М.: Просвещение, 1983.
59. Шаврыгин С. М. О сюжете комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» // Русская литература. 1994. №1.

III. Методологическая литература.

60. Алексеева Г. А. Размышления над жанром комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» [Методич. рекомендации к уроку в школе] // Уроки литературы: Приложение к журналу «Литература в школе». 2001. №6.
61. Алпатова Т. Магия слова в художественном мире «Горя о ума» А. С. Грибоедова // Литература в школе. 2004. №10.
62. Ананьева В. Г. Активизация преподавания литературы в VIII классе: Из опыта работы над комедией А. С. Грибоедова «Горе от ума». Л., Учпедгиз, 1959.
63. Баженов А. М. К тайне «Горе от ума»: идеи и образы комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Ст. 1-3 // Литература в школе. 1996. №4; 1966. №5; 1997. №2.
64. Безносков Э.Л., Виноградов Е.И. Грибоедов в школе: Книга для учителя. -М.: Дрофа, 2004.
65. Богданова О.Ю. Методы и приёмы обучения литературе. М.: Просвещение, 1990

64. Борисов Ю. Н. «Горе от ума»: Жизненный контекст и противоречия эпохи // Литература в школе. 1980. №3.

65. В мире литературы. 5 - 10 классы: программа по литературе для общеобразовательных учреждений / А.Г.Кутузов, А.К.Киселёв, Е.С.Романичева и др.; под ред. А.Г.Кутузова. М.: Дрофа, 2012.

66. Вяземский П.А. Русская литература: 9 класс: Хрестоматия историко-литературных материалов. М.: Просвещение, 1994. 28.Коровин В.И. Об интриге и жанре комедии «Горе от ума» // Литература (приложение к газете «Первое сентября»). 2009. - №34.

67. Коровина В.Я., Збарский И.С., Коровин В.И. Литература: 9 класс. Методические советы. М.: Дрофа, 2010.

68. Корст Н.О. Анализ драматических произведений: Преподавание литературы в старших классах. М.: Просвещение 1974.

69. Кудряшев Н.И. Взаимосвязь методов обучения на уроках литературы. М.: Просвещение, 1990.

70. Марченко Н. А. Александр Сергеевич Грибоедов // Уроки литературы: Приложение к журналу «Литература в школе». 2001. №6.

71. О проблемном изучении в школе комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Метод. рекомендации. М.: Просвещение, 1966.

72. Петров С. М. «Горе от ума» (комедия А. С. Грибоедова): Пособие для учителя. М.: Просвещение. 1981.

IV. Справочно-библиографическая литература.

73. Борисов Ю. Н. Просеминарий по творчеству А. С. Грибоедова: Комедия «Горе от ума». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 1998.

74. Гришунин А. Л.; Маркович В. М., при участии Мелиховой. Грибоедов // Русские писатели. 1880-1917: Биограф. словарь: В 2 т. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.

75. Красновский В.Е. Большая литературная энциклопедия. М.: Энциклопедия, 2006.

76. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. Саратов: Лицей, 2006.
77. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
78. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Российская академия наук, ИНИОН/ Гл. ред. И сост. А.Н. Николин. М., 2010
79. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. Энциклопедия, 1962-1968.
80. Маймин Е. А. Грибоедов // Русские писатели. XIX век: Библиогр. слов.: В 2ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 1996.
81. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.